



КОЛЫБЕЛЬНАЯ  
— для —  
БРАЙАР КРИК

ЗЛАТА РОМАНОВА

18+

Злата Романова

# **Колыбельная для Брайар Крик**

«Автор»

2026

## **Романова З.**

Колыбельная для Брайар Крик / З. Романова — «Автор», 2026

В тихом городке на двадцать пять тысяч жителей каждые три месяца находят мёртвую девушку. Все они молоды, одеты в юбки и колготки, и ни на одном теле нет следов убийцы. Детективы Майкл Доннелли и Джозеф Мартинес, никогда не видевшие ничего подобного, проверяют ссыльного рабочего, школьного тренера и владельца универмага, а страх тем временем меняет город: люди перестают здороваться, а родители запрещают дочерям выходить из дома. Чем дольше идёт расследование, тем яснее становится, что убийца не отслеживает жертв. Они сами подходят к нему, потому что хотят помочь. Детективам нужно остановить того, кого никто не замечает, и не дать городу перестать быть добрым.

© Романова З., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Суббота в октябре        | 5  |
| Глава 2. Хартвеллы                | 6  |
| Глава 3. Брайар-Крик Сегодня      | 7  |
| Глава 4. Ужин                     | 9  |
| Глава 5. Январь                   | 11 |
| Глава 6. Браслет                  | 14 |
| Глава 7. Универмаг                | 17 |
| Глава 8. Тридцать восемь камер    | 19 |
| Глава 9. Южная ветка              | 21 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 22 |

# Злата Романова

## Колыбельная для Брайар Крик

### Глава 1. Суббота в октябре

Собака нашла её в семь утра, в первую по-настоящему холодную субботу октября.

Старик Хэнк Олсон гулял с лабрадором вдоль лесополосы за заправкой, как делал каждое утро последние одиннадцать лет, с тех пор как похоронил жену. Пёс вдруг рванул с поводка и залаял так, что Хэнк еле удержал его. Потом он увидел то, что было в траве, и поводок выпал из руки.

Детектив Майкл Доннелли приехал через двадцать минут. Ему было сорок семь, и за двадцать два года службы он видел драки в барах, семейные скандалы, пару утонувших и один раз пожар с жертвами. Он привык к мысли, что в Брайар-Крик люди умирают от глупости, пьянства или старости.

Он остановился у жёлтой ленты и почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Звонили из участка, — сказал за спиной напарник. — Говорят, ты побледнел ещё по рации.

Джозеф Мартинес, тридцать три года, пришёл в отдел шесть лет назад из армейской полиции. Он тоже никогда не видел ничего подобного, но умел держать лицо.

— Заткнись, Джо, — тихо сказал Майкл. — Просто заткнись и пойдём.

Девушка лежала на боку, аккуратно, словно кто-то хотел, чтобы её нашли. Совсем молодая, лет двадцати двух. Тёмная юбка от рабочей формы, на ногах колготки. На шее была затянута вторая пара, и от этого вокруг горла застыла страшная синева. Майкл заставил себя посмотреть на лицо и сразу пожалел: оно было спокойным, и от этого становилось только хуже.

— Документов нет, — сказал Джозеф. — Но патрульный её узнал. Эмили Хартвелл, официантка из «Кофейни у Мэйн-стрит». Вчера закрывала смену, домой не дошла. Мать подала заявление в полночь.

— Следы? — спросил Майкл.

— Земля твёрдая, трава сухая. Ничего. Ни обёртки, ни окурка, ни отпечатка.

Они стояли над телом молча. Рядом шумели сосны, на заправке громко работал генератор. Обычная суббота обычного городка, и тут лежала Эмили.

— Это не «бытовуха», Майк, — наконец сказал Джозеф, и голос у него немного дрогнул. — Этот человек знал, что делает.

— Знаю.

— И у нас нет ни одного следа.

— Знаю, Джо.

Эксперты приехали около девяти. Следом подъехал белый фургон окружного морга, из которого вышел высокий худощавый мужчина в сером пальто. Он тихо поздоровался с Майклом, надел перчатки и склонился над телом с тем бережным вниманием, с которым работают люди, привыкшие к тишине.

— Уолтер Пирс, — шепнул Джозеф. — Новый прозектор, перевёлся к нам в сентябре. Говорят, лучший в штате.

— Лучше бы его работы у нас не было, — отозвался Майкл.

Уолтер Пирс поднял глаза от тела и коротко, с сочувствием кивнул детективам.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я сделаю всё, чтобы ей помогли хотя бы после.

## Глава 2. Хартвеллы

Мать Эмили открыла дверь раньше, чем Майкл успел постучать. Линда Хартвелл не спала всю ночь: она сидела в кухне в пальто, словно собиралась ехать искать дочь прямо сейчас.

— Это она? — спросила Линда и посмотрела не на Майкла, а на Джозефа, как будто молодой надёжнее и скажет правду.

— Мэм, — начал Джозеф и запнулся. — Да. Мне очень жаль.

Она не закричала. Просто села на стул, медленно, как садятся очень старые люди, и стала смотреть на клеёнку.

Сорок минут они задавали вопросы, от которых сами хотели провалиться сквозь землю. Враги? Нет. Ухажёр? Давно расстались, он уехал в Огайо. Странные звонки, незнакомцы, чувство, что за ней следят? Линда качала головой. Эмили была тихая и смешливая, работала в кофейне, копила на колледж и всегда шла домой по освещённой Мэйн-стрит.

— Но не вчера, — сказала Линда у самого порога. — Вчера она позвонила и сказала, что задержится: «Мам, не жди, я скоро». Скоро — это через час. Она никогда не врала.

Кофейня «У Мэйн-стрит» ещё не открылась, но Дана, напарница Эмили, уже стояла за стойкой с красными глазами и стаканом воды.

— Она была какая-то... другая последние две недели, — выдавила Дана. — Весёлая, такая заводная. Знаете, как бывает, когда человеку кто-то нравится.

— Кто?

— Не знаю. Приезжий какой-то, я его раньше не видела. Заходил каждый день, садился у окна, брал чай и книжку. Тихий, незаметный, лицо такое, что через минуту забудешь. — Дана вытерла глаза запястьем. — Эмили поспорила со мной на десять долларов, что заставит его улыбнуться. Подходила к нему, шутила, наливала чай. А он смотрел вниз. Не на неё, а как будто мимо.

— Имя? — спросил Джозеф.

— Не знаю. Мы же не разговаривали, просто... клиент.

Майкл записал: «Неизвестный мужчина, приезжий, посетитель кафе, 2 недели». Снизу, подумав, дописал: «Лесопилка? Бишоп?»

На улице Джозеф остановился у машины и достал телефон.

— В городе за последние полгода поселились одиннадцать человек, — сказал он, листая список. — Из них трое мужчин подходящего возраста. Один из них только что вышел на условно-досрочное. Рэй Бишоп. Шесть лет за вооружённое нападение, три месяца работает на лесопилке, как раз рядом с лесополосой.

— Понятно, — сказал Майкл.

— Слишком просто?

— Просто бывает редко. Поэтому мы за ним сначала присмотрим.

К полудню позвонил из морга Уолтер Пирс. Голос его был ровным и очень тихим, как у человека, привыкшего говорить там, где не нужно повышать голос.

— Предварительное заключение готово, детектив. Смерть от удушения лигатурой, примерно между одиннадцатью вечера и часом ночи. Кожа под ногтями чистая. Волокон, чужой ДНК, следов борьбы нет. — Он помолчал. — Я бы сказал, что работал очень аккуратный человек. Мне жаль, что ничем не могу вас обрадовать.

— Вы сделали что могли, — сказал Майкл и повесил трубку.

Он ещё долго смотрел на телефон. Было что-то в этом голосе, чего он не мог назвать, но через минуту сам себя оборвал: человек просто устал, как и все они.

## Глава 3. Брайар-Крик Сегодня

### Выпуск в 18:00, понедельник

Шерил Дэвенпорт вела вечерние новости двадцать восемь лет. Она читала прогнозы погоды, объявления о ярмарках и результаты школьных матчей, и голос у неё был такой же ровный, как у соседки, зашедшей на чай. Сегодня он дрогнул на первой же фразе.

— Добрый вечер. В субботу утром в лесополосе за заправкой на девятом шоссе было найдено тело двадцатидвухлетней Эмили Хартвелл, сотрудницы кофейни на Мэйн-стрит. Полиция расследует случившееся как убийство. Подробности не разглашаются. — Она положила ладонь на лист, чтобы тот не дрожал. — Мы с Эмили виделись всего однажды, когда она выиграла школьный конкурс по орфографии. Ей было одиннадцать. Она тогда подарила мне открытку.

Картинка сменилась. Площадь перед мэрией, вечер, сотни людей с бумажными стаканчиками, в которых дрожали огоньки свечей. У каменных ступеней росла гора плюшевых медведей и тетрадных листов с детскими надписями. Корреспондент шёпотом говорил в микрофон, что такого на его памяти в городе не было.

Мэр Харлан Бёрнс стоял на ступенях без шапки, хотя шёл мелкий дождь.

— Это наш дом, — сказал он. — Мы не позволим страху сделать его чужим.

Шеф полиции Роберт Шоу был лаконичнее.

— Мы работаем круглосуточно. Просим жителей, особенно молодых женщин, не ходить в тёмное время суток в одиночку и сообщать о любых подозрительных людях.

В кадр на секунду попала Линда Хартвелл. Её вели под руки две соседки. Потом камера ушла в сторону, и экран заполнили лица людей на площади.

\* \* \*

В комнате отдыха участка Майкл смотрел запись с чашкой остывшего кофе.

— «Не ходить в одиночку», — сказал за его спиной Джозеф. — Теперь каждый парень в городе будет коситься на любую девушку, которая идёт одна, а каждая девушка на любого парня.

— Шоу нужно было что-то сказать.

— А нам нужно что-то найти.

Он бросил на стол папку. Список приезжих за полгода: одиннадцать человек, трое мужчин нужного возраста.

— Первый — коммивояжёр, торгует кормами для скота. В пятницу вечером он ужинал в мотеле в сорока милях отсюда, чек есть, свидетели есть. Второй — студент-практикант в ветеринарной клинике, ему двадцать, он весь вечер играл в баскетбол в спортзале. Остаётся Рэй Бишоп.

— Едем, — сказал Майкл.

\* \* \*

Лесопилка гудела так, что приходилось кричать. Бригадир Лу Гибсон вытирал руки ветошью и смотрел на детективов с видом человека, которому не нравится, что его дело пахнет полицией.

— Бишоп? Хороший работник. Не пьёт, не опаздывает, лишнего не говорит. В пятницу ушёл в шесть вместе со всей сменой.

— Куда?

— А мне почём знать? Домой, наверное. У него трейлер за рекой, вы же знаете.

Рэй Бишоп вышел из цеха сам, не дожидаясь, пока его позовут. Высокий, жилистый, с шрамом через левое предплечье, виднеющимся из-под закатанного рукава. Он остановился в трёх шагах и спрятал руки в карманы комбинезона.

— Это насчёт девчонки из кофейни, — сказал он. Не спросил, а сказал.

— Где вы были в пятницу после шести? — спросил Майкл.

— Дома. Один. Ужинал, смотрел телевизор, лёг в десять. Алиби нет, если вы за этим пришли.

— Вы её знали?

— Нет. Я в кофейнях не бываю. — Бишоп чуть повёл плечом. — Послушайте. Я шесть лет отсидел за то, что ударил человека бутылкой в баре. Не за то, что убил. Я вышел, чтобы работать и жить тихо. Если вам нужно меня запереть, запирайте. Только Эмили это не вернёт.

Он посмотрел на Майкла прямо, и в этом взгляде не было ни наглости, ни страха. Только усталость.

— И ещё одно. Через неделю сюда придут с вилами. Не вы, а они. Люди так делают, когда им страшно.

\* \* \*

К вечеру Майкл всё же заехал к трейлеру Бишоп. Без ордера, просто посмотреть. Через окно была видна комната: диван, старый телевизор, на столе банка растворимого кофе и стопка пустых банок из-под энергетика. Ни одной книги, ни одной чайной коробки.

Он вспомнил слова Даны из кофейни: «Приезжий, брал чай и книжку».

— Что? — спросил Джозеф, когда Майкл вернулся в машину.

— Ничего. Это не он.

— Чего «не он»?

— Не знаю. — Майкл завёл двигатель. — Но если мы сейчас привяжемся к Бишопу, настоящий убийца будет сидеть в кофейне и пить чай.

\* \* \*

### **Выпуск в 18:00, пятница**

— На этой неделе в городе случилось то, о чём мы не хотели бы рассказывать, — сказала Шерил. — В интернете распространилась информация о том, что подозреваемым в деле Эмили Хартвелл может быть сотрудник лесопилки с судимостью. Полиция опровергла это. Но вчера вечером в окно дома этого человека бросили кирпич.

На экране мелькнули кадры: трейлер за рекой, разбитое стекло, жёлтая лента. Чуть поодаль, в стороне от камеры, стоял сам Бишоп, прислонившись к стене и скрестив руки. Рядом с ним был мужчина в сером пальто, и он что-то говорил ему вполголоса. Камера пошла дальше, и разглядеть его не успели.

— В тот же вечер на площади прошла вторая акция памяти, — продолжила Шерил. — Среди пришедших проститься были одноклассники Эмили, коллеги из кофейни и многие жители города, которые никогда её не знали. Мэр Бёрнс сообщил, что город выделил дополнительные средства на освещение улиц и патрулирование окраин.

Она сложила листы и посмотрела в камеру, как смотрят не на зрителей, а на соседей.

— Берегите себя. Берегите друг друга.

В комнате отдыха Майкл выключил телевизор.

— Три месяца, — сказал он вслух неизвестно кому. — Через три месяца всё это станет привычным. Это самое страшное, Джо.

Он ошибался. До января оставалось одиннадцать недель, и привычным не стало ничего.

## Глава 4. Ужин

Дом Доннелли стоял на тихой улице с клёнами, и в ноябре каждое окно на ней светилося одинаково уютно. Майкл заглушил двигатель и несколько минут сидел в машине, глядя на жёлтый квадрат кухни. Там его жена Кэрол что-то мешала на плите. Он знал этот силуэт двадцать четыре года.

Он ненавидел эти минуты. Дома надо было вспомнить, как выглядит нормальный человек, и стереть с лица всё, что принёс с собой.

— Ты пахнешь лесопилкой, — сказала Кэрол, не оборачиваясь. — Раздевайся в коридоре, тушёнка будет через двадцать минут.

— Где Софи?

— Наверху. Готовится к презентации.

Софи было девятнадцать, и учиться она ездила в колледж за сорок миль. Три года назад Майкл гордился тем, что она вообще поехала. Теперь он каждое утро ловил себя на мысли, что лучше бы она осталась дома и пошла на курсы бухгалтеров в двух кварталах.

За ужином говорили о пустяках. Кэрол рассказывала про соседку, которая завела пятую кошку. Майкл кивал, ел и не чувствовал вкуса. Перед глазами стояла трава, аккуратно уложенные руки, спокойное лицо. Он тряхнул головой, и Кэрол посмотрела на него поверх вилок.

— Ты опять не здесь.

— Здесь.

— Майк, — тихо сказала она. — Я не прошу рассказывать. Я прошу только не делать вид, что всё нормально.

Он хотел ответить, но по лестнице уже спускалась Софи.

Она была в тёмно-серой юбке до колен и в тонких чёрных колготках. Строгий вид для защиты проекта: так одеваются, когда хотят, чтобы тебя воспринимали всерьёз. Она на ходу собирала волосы в хвост, улыбалась, что-то говорила про автобус на шесть сорок.

Майкл услышал, как звякнула о тарелку его вилка.

— Переодевайся, — сказал он.

— Что?

— Переоденься. Надень джинсы.

Софи замерла на нижней ступеньке. В кухне стало очень тихо.

— Пап, у меня защита. Мне нельзя в джинсах.

— Тогда я отвезу тебя сам.

— Ты не можешь возить меня каждый день за сорок миль!

— Софи, — сказала Кэрол.

— Нет, мам, пусть объяснит. — Голос дочери дрожал, но она не отступала. — Что я должна сделать? Не выходить из дома? Носить мешок? Девочки в группе уже пишут в чате: «Не носите юбки, он выбирает таких». А кто сказал, что он выбирает таких? Полиция вообще что-нибудь знает?

Майкл сжал пальцы под столом. Он не отвечал, потому что она угадала. Эмили Хартвелл в тот вечер была в рабочей юбке, но это было всего одно убийство, одна девушка, ничего не доказывающее совпадение. Он твердил себе это неделю. И всё равно, глядя на дочь, видел не её, а чужое тело в траве.

— Мы пока ничего не знаем, — выдавил он.

— Тогда почему ты на меня так смотришь?

Он встал. Хотел обнять её, но вместо этого сказал глупое и злое:

— Потому что я не хочу получить звонок из лесополосы.

Тишина стала такой, что слышно было, как тикают часы над холодильником. Софи побледнела. Кэрол закрыла глаза.

— Прости, — быстро сказал Майкл. — Софи, я не то...

Но дочь уже развернулась и пошла наверх. Дверь её комнаты хлопнула не сильно, а очень тихо, и это было хуже любого грохота.

Кэрол встала, начала собирать тарелки. Потом остановилась с ними в руках.

— Ты не хотел.

— Не хотел.

— Но сказал. — Она поставила тарелки в раковину. — Знаешь, чего она боится больше, чем маньяка? Что ты перестанешь видеть в ней дочь и начнёшь видеть в ней потенциальную жертву. Девочки это чувствуют.

Майкл ничего не ответил. Он стоял и смотрел, как вода набирается в раковину.

\* \* \*

Через час он поднялся наверх и постучал. Из-за двери не ответили, но и не заперлись. Он вошёл.

Софи сидела на полу, спиной к кровати, с ноутбуком на коленях. Юбку она не сменила, но сняла колготки и осталась в носках.

— Пап, если ты будешь возить меня каждый день, я сойду с ума, — сказала она, не поднимая головы. — И ты тоже.

— Знаю.

— Я не дура. Я возвращаюсь в светлое время, пишу тебе из автобуса, не хожу одна в темноте. Но я не могу не жить, пап.

Майкл сел рядом, на пол, и колени хрустнули. Некоторое время они молчали.

— Я двадцать два года видел только глупые смерти, — сказал он наконец. — Драки, пьяные аварии. Всегда понятно почему. А тут... я не понимаю, зачем. И от этого страшно за всех.

— Тогда пойми, — просто сказала Софи. — Ты же детектив.

Он усмехнулся, впервые за неделю.

— Я стараюсь.

— Тогда я надену джинсы, пока не поймёшь. — Она наконец подняла на него глаза, красные, но спокойные. — Но не потому что боюсь. А потому что тебе так спокойнее.

Он обнял её, неловко, как обнимают взрослых детей, которым давно не нужна помощь.

Внизу Кэрол выключила свет на кухне. А Майкл, выйдя в коридор, ещё долго стоял у лестницы и слушал, как в доме слышно дыхание всех троих.

Он знал, что нарушил главное правило полицейского: принёс работу домой. И понимал, что с этого вечера уже не оставит её за порогом.

## Глава 5. Январь

Звонок раздался во вторник, в середине января, в девять двенадцать вечера. Майкл стоял у раковины с мокрой тарелкой. Кэрол впервые за два месяца разрешила ему «заслужить прощение» мытьём посуды. Номер был незнакомый.

— Детектив Доннелли? Это Дана, из кофейни. Вы оставили карточку.

Голос был тихий, слегка запыхавшийся, на фоне что-то звякало: она ставила чашки на полки.

— Я не знаю, может, это ерунда. Я вспомнила про того приезжего. Он один раз заговорил со мной. Всего один раз. Я тогда не придавала значения, а сегодня вдруг поняла, что это было странно.

— Что он сказал?

— Не по телефону. Вы подумаете, что я выдумываю. Давайте завтра в обед? С часу до двух у нас затишье.

— Дана, я могу заехать прямо сейчас.

— Не надо, я закрываюсь, мне ещё кассу сверять. Миссис Марлоу ушла с мигренью, я сама справлюсь. Завтра, правда.

Он согласился. Потом он будет повторять про себя это слово, «согласился», так часто, что оно потеряет смысл.

\* \* \*

В шесть сорок утра телефон зазвонил снова.

Машина Даны Крисп стояла на пустой парковке у кофейни, сумка лежала на пассажирском сиденье. Тело нашёл дорожный рабочий на заброшенном кирпичном заводе, на северной окраине, в трёх милях от города. Ночью выпал снег, и всё вокруг было белым, нетронутым, кроме одной тропки следов, которая обрывалась на дороге.

Майкл шёл по этой тропке и считал шаги, чтобы не думать.

Дана лежала на боку, как Эмили. Руки уложены тем же жестом. Форма с вышитым логотипом на воротнике: тёмная юбка, белая блузка, поверх которой кто-то заботливо набросил её же пальто. На шее вторая пара колготок.

— Он её укрыл, — сказал Джозеф, и по голосу Майкл понял, что напарник держится на последних силах. — Майк, он укрыл её пальто.

— Вижу.

— Это одна из кофейни. Опять.

— Вижу, Джо.

— А если совпадение?

Майкл повернулся и посмотрел на него. Джозеф сам услышал, как это звучит, и отвёл глаза.

— Машина осталась на парковке, — тихо сказал Майкл. — Девушка, которая три месяца знает, что в городе убийца, не уходит ночью в лес с незнакомым. Она подошла к кому-то, кого не боялась. Или кого не заметила.

\* \* \*

Уолтер Пирс встретил их в коридоре морга в зелёном халате. Выглядел он так, будто тоже не спал, но руки были спокойны.

— Узел идентичен узлу мисс Хартвелл, — сказал он вместо приветствия. — Нейлон, двойной оборот, затяжка под углом. Время смерти между половиной одиннадцатого и полуночью. Я проверил дважды: чужих следов нет, ни волокон, ни биологического материала. — Он помолчал. — Мне очень жаль, детективы. Она была совсем юной.

— Это один и тот же человек, — сказал Майкл.

— Я не вправе делать такие выводы. — Пирс снял очки и устало потёр переносицу. — Но если бы вы спросили меня как человека, а не как специалиста, я бы сказал, что вы правы.

Когда они вышли, Джозеф долго молчал в машине.

— Странно, да? — сказал он наконец. — Человек всё время ходит рядом со смертью, а говорит о ней как о живой.

— Работа такая, — ответил Майкл и завёл двигатель.

\* \* \*

К вечеру в городе узнали всё.

Окно кофейни скрылось под цветами и записками. Рядом, на подоконнике, кто-то поставил две рамки: Эмили и Дана, обе улыбаются, обе в одной форме, и от этого сходства у прохожих сжималось горло. Площадь перед мэрией на этот раз не наполнилась людьми: многие просто не пришли. Страх, который осенью был острым, превратился в тихий и липкий.

Шерил Дэвенпорт читала новости без листа. Листы лежали на столе, но она на них не смотрела.

— Второй раз за три месяца, — сказала она. — Я двадцать восемь лет говорю вам, что в Брайар-Крик всё в порядке. Сегодня не скажу. Не могу.

Мэр Бёрнс не вышел к людям. В новостях его кабинет показали за закрытыми шторами.

\* \* \*

Шеф Шоу собрал совещание в восемь вечера. Он сидел во главе стола, и Майкл впервые заметил, как постарел за эти месяцы его начальник.

— Слово «серийный» в этом здании не произносится, — сказал Шоу.

— Тогда как вы это назовёте, шеф? — спросил Майкл.

Шоу долго смотрел на фотографии на доске.

— Из штата пришлют аналитика через две недели. До тех пор вы работаете вдвоём, плюс двое патрульных. Любую информацию, любую мелочь, любую жалобу на странного соседа вы проверяете сразу. Всё, что связано с кофейней.

— Мы начнём с кофейни, — кивнул Майкл. — Сегодня же.

\* \* \*

Джуди Марлоу, хозяйка «У Мэйн-стрит», сидела в тёмном зале, не включая свет. Руки у неё лежали на коленях так неподвижно, что казалось, она забыла, как ими двигать.

— Две девочки, — повторяла она. — Две девочки за одну зиму. Я сама их брала на работу.

Она отдала всё, что просили: чековые ленты за три месяца, журнал смен и список клиентов, которым выдавали карточки лояльности. Сорок три фамилии. Также запись с камеры, но Джозеф, посмотрев систему, только покачал головой.

— Хранится тридцать дней и перезаписывается. Октябрь уже стёрт. А камера смотрит на кассу, не на зал. Место у окна, где сидел тот приезжий, в слепой зоне.

— Конечно, — сказал Майкл. — Иначе было бы слишком просто.

Они разложили сорок три фамилии на столе в участке. Джозеф работал методично, как привык в армейской полиции: убрал женщин, убрал подростков и стариков, оставил мужчин от двадцати пяти до пятидесяти пяти, живущих в городе. Осталось девять имён. Среди них Грег Холлоуэй, школьный тренер, который заходил в кофейню каждое утро в семь десять и по средам в три часа дня. Дана в разговорах упоминала, что он «всегда оставляет чаевые и шутит про погоду».

Ещё Эйб Фуллер, хозяин универмага на Мэйн-стрит. В личных записях Джуди нашлась строка: именно он в сентябре лично привёз для кофейни новую партию формы. Тёмные юбки, белые блузки.

— Осень, — сказал Джозеф. — Форму привезли за месяц до первого убийства.

— Значит, пока никого не вычёркиваем, — сказал Майкл.

— Есть ещё одна проблема. — Джозеф постучал по списку. — Ни один из девяти не приехал в город после сентября. Все местные. А тот, про кого говорила Дана, приезжий. Его здесь нет.

— Потому что он платил наличными, — медленно сказал Майкл. — Иначе в записях был бы след.

Они переглянулись. Наличные в двадцать первом веке казались почти насмешкой: вычислить человека, который расплачивается мятыми купюрами, нельзя, пока не увидишь его лицо.

\* \* \*

Поздно ночью Майкл остался в участке один. На столе лежал блокнот с записью, сделанной во вторник вечером, ещё до того, как он узнал о Данае. Всего одна фраза, подчёркнутая дважды:

*«Он один раз заговорил со мной».*

Что он сказал? Что она вспомнила, расставляя чашки в пустом зале за час до смерти? Что показалось ей настолько странным, чтобы позвонить полицейскому, и настолько личным, чтобы не говорить по телефону?

Он смотрел на блокнот так долго, что буквы поплыли. А потом выключил лампу и пошёл домой, где его ждала дочь, оставленная в джинсах, и жена, которая, как он знал, не спит.

## Глава 6. Браслет

Инспектор по условно-досрочному освобождению Фрэнк Оукли положил распечатку на стол и придвинул её двумя пальцами, как неприятный счёт.

— Запрос ушёл ещё в ноябре, — сказал он. — Данные пришли в понедельник. Государственные серверы, детективы, вы же знаете.

На листе были две колонки цифр и серая карта с точкой в центре: трейлер за рекой. Майкл повёл пальцем по строчкам. Октябрьская ночь, точка не двигается. Январская ночь, точка не двигается.

— Он носит браслет с августа, — продолжал Оукли. — Заряда хватает на шесть часов, потом нужно сидеть у розетки. Ваш Бишоп каждый вечер с десяти до полуночи привязан к стене, как телефон. А радиус по инструкции пятьдесят метров. В обе ночи он не отходил от дома ни на шаг.

— Вы знали, что мы им интересуемся, — сказал Джозеф.

— Мне сказали, что на него бросили кирпич. О подозрении никто не говорил.

Они вышли на парковку молча. Джозеф пнул камешек.

— Три месяца, Майк. Мы три месяца держали человека под подозрением из-за того, что у него нет алиби. А алиби было всё это время, привязанное к его ноге.

— Ты запрос отправил.

— Это не оправдание.

\* \* \*

Доски на окне трейлера были прибиты неровно, одна шляпка торчала косо. Рэй Бишоп колол дрова у крыльца и не остановился, пока не доколол полено.

— Про браслет я знаю, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Он на мне с августа.

— Вы могли сказать нам в ноябре.

— Я говорил, что был дома. Вы услышали «алиби нет». — Он поставил топор. — Браслет, детектив, это тоже я, только на проводе. Кто поверил бы проводу скорее, чем человеку?

— Мы поверили.

— Через три месяца. И после того, как мне разбили окно.

Майкл хотел извиниться, но слова казались слишком лёгкими для этих досок. Он сказал просто:

— Шеф выпустит заявление сегодня. Официальное. К вам вопросов нет.

— Заявление прочтут те, кто и так не бросал кирпичей. — Бишоп поднял полено, повертел его в руках. — Остальным нужен кто-то. Они найдут другого.

— Мы найдём настоящего.

— Найдите. — Он кивнул в сторону реки, за которой чернела лесополоса. — Только он не будет похож на меня. Такие, как я, видны сразу: шрам, судимость, взгляд. А тот, кто это делает, наверняка такой, что вы ему руку пожмёте и не заметите.

Майкл уже шёл к машине, когда Бишоп окликнул его:

— Кстати, а кто это был, высокий, в сером пальто? Он стоял тут после кирпича. Единственный, кто спросил, не порезало ли меня стеклом. Остальные снимали на телефоны.

— Не знаю. — Майкл пожал плечами. — Может, из социальной службы.

— Может, — сказал Бишоп и снова взялся за топор.

\* \* \*

### Выпуск в 18:00, четверг

— Полиция сняла все подозрения с Рэя Бишоп, жителя города, о котором на прошлой неделе говорили в интернете, — сказала Шерил Дэвенпорт. — Шеф Шоу подтвердил, что

в моменты обоих убийств он находился дома. Окружная прокуратура готовит официальное извинение.

Она замолчала, и пауза вышла длиннее эфирной.

— Мне кажется, мы все должны ему что-то большее. Но я не знаю что.

\* \* \*

Школьный спортзал пах резиной и мастикой. Грег Холлоуэй, тренер по волейболу, сидел на скамье у стены и мял в руках свисток на шнурке. Он был крупный, добродушный, из тех, кого дети слушаются без крика, и сейчас эта добродушность сползала с него, как мокрая куртка.

— Кофейня, — повторил он. — Да, я там бываю. В семь десять, перед первым уроком, и по средам в три. Джуди даже мою кружку держит отдельно.

— Эмили Хартвелл вы знали? — спросил Майкл.

Свисток замер в его ладони.

— Тренировал три года. Лучший связующий, какого я видел. — Он говорил тихо. — В прошлом июне она пришла ко мне после выпуска. Не поступила в колледж, пошла работать, копила на следующий год. Я сказал ей, что она сильнее, чем думает.

— А Дана Крисп?

— Не мою. Она на три года старше. Просто кассир, просто «привет, тренер». — Он поднял глаза. — Вы же не думаете...

— Мы ничего не думаем, мистер Холлоуэй. Мы проверяем всех, кто был связан с кофейней. Где вы находились в ночь на двадцать первое января?

Тренер ответил слишком быстро:

— Дома. Один. Я живу один.

— А в октябре, в пятницу, когда убили Эмили?

— Был на выезде с командой. Вернулись поздно, потом разошлись.

— Во сколько вернулись?

— Не помню. Около одиннадцати.

Джозеф записал это в блокнот и поднял глаза, как смотрят, когда понимают, что собеседник врёт. Майкл тоже понял. Он не знал только, в чём именно. Холлоуэй так упорно смотрел на свисток, будто в нём был спрятан ответ.

— Автобус вернулся в десять сорок, — тихо сказал Джозеф, когда они вышли. — Я уже проверил. Водитель говорит, тренер сошёл первым и ушёл пешком, а не к своей машине.

— Это ещё ничего не значит.

— Это значит, что он врёт, Майк.

— Врёт, — согласился Майкл. — Но врут по разным причинам.

\* \* \*

Поздно вечером они остались в участке вдвоём. На доске в центре висели два снимка: Эмили и Дана, обе улыбаются, обе в форме. Вокруг, как сухие листья вокруг лужи, были наклеены карточки с девятью фамилиями. Раньше рядом висела карточка Рэя Бишопы. Джозеф снял её сам, молча, и аккуратно положил в ящик стола.

— Холлоуэй, Фуллер, — сказал он. — Остальные семеро пока чисты, но мы их не закрыли.

— Фуллер завтра.

— Знаю.

Некоторое время они смотрели на доску.

— Если он держится графика, — сказал наконец Джозеф, — у нас до апреля.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это значит, что мы согласны ждать.

Джозеф ничего не ответил. Майкл достал маркер и под двумя снимками написал одно слово, которое они оба давно думали, но никто не произносил вслух:

«Он».

Не «преступник», не «подозреваемый», не «неизвестный мужчина». Он. Тот, кто дышит в этом же городе, пьёт воду из тех же кранов и, наверное, прямо сейчас сидит где-нибудь в тишине и никуда не спешит.

## Глава 7. Универмаг

Универмаг Фуллера занимал два этажа в самом центре Мэйн-стрит и пах нафталином, новой обувью и ещё чем-то сладковатым, давно ушедшим. Эйбрахам Фуллер, пятьдесят восемь лет, сам встретил детективов у кассы. На шее у него висела портновская лента, а пальцы были мягкие и очень чистые.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он. — После фотографий форменных юбок в новостях сложить два и два нетрудно.

— Вы поставляли форму в «У Мэйн-стрит», — сказал Майкл.

— Лично привёз в сентябре. Джуди просила срочно, девочки неделю работали в обычных платьях. Я не горжусь этим заказом, детективы, но и скрывать его не собираюсь.

Он говорил гладко, слишком гладко. Джозеф, листая блокнот, остановился на нужной строчке.

— Нейлоновые колготки вы продаёте?

— Конечно. Чёрные, телесные, плотные. Тридцать, сорок пар в месяц. Вы думаете, я веду учёт, кому именно продал? — Фуллер хмыкнул, но уголок его рта дёрнулся. — Весь город ходит в них зимой.

— Где вы были двадцать первого января с десяти до полуночи?

— На складе. Инвентаризация. Я делаю её каждый январь, ночью, когда никто не мешает.

— Один?

— Один.

— Кто-нибудь вас видел?

— Задняя дверь выходит в переулок. Там была камера, но её разбили ещё осенью. — Он развёл руками. — Понимаю, как это звучит.

В глубине зала, за стеллажами с перчатками, была узкая дверь, обитая жёстью. Джозеф кивнул на неё:

— Что там?

— Склад, детектив. Тот самый.

— Можно посмотреть?

— Через неделю, когда придёт ревизор из налоговой. — Фуллер перестал улыбаться. — Если у вас есть ордер, я открою. Если нет, мне не нравится, когда в моём магазине ходят с блокнотами и подозревают меня.

Ордера не было. Они вышли на улицу, и Майкл ещё долго чувствовал на спине взгляд из витрины.

— Он что-то прячет, — сказал Джозеф.

— Все что-то прячут, — ответил Майкл. — Вопрос в том, что именно.

\* \* \*

Февраль и март слились в одну серую череду допросов.

Они опросили всех девятиерых, а потом ещё двадцать человек, которые просто мелькали в записях Джуди Марлоу. Аптекарь из соседнего дома оказался в день убийства Даны в больнице у умирающей матери. Двое братьев-механиков в октябре возвращались с рыбалки и попали на камеры каждой заправки по пути. Пенсионер Хэнк Олсон, тот самый, чья собака нашла Эмили, пришёл сам и сказал, что хочет помочь, потому что больше не спит.

К середине марта осталось двое: Фуллер, у которого была закрытая дверь и слабое алиби, и Холлоуэй, у которого не было ни того, ни другого.

\* \* \*

Тем временем из штата приехала Диана Крейн.

Ей было около сорока, тёмные волосы собраны в пучок, на плечах мужской серый пиджак. Она вошла в зал совещаний с коробкой папок и сказала шефу Шоу, что слово «серийный» она произнесёт в первую же минуту, и он может выйти, если ему не нравится.

Шоу остался.

— Он организованный, — сказала Крейн, постукивая по доске. — Интервал в три месяца указывает на цикл: потребность растёт, как давление в котле, потом спадает, потом растёт снова. Девушек он не выбирает по внешности, он выбирает по детали. Форма, юбка, колготки. Для него это не фетиш в обычном смысле, это спусковой крючок. Он видит то, что запускает механизм.

— А почему он их укрывает? — спросил Джозеф.

— Потому что ему не всё равно. После убийства он не ликует, а жалеет. Это не раскаяние, это процесс. Он убирает за собой. Для таких людей это важная часть ритуала.

— Что мы можем сделать? — спросил Майкл.

— Искать человека, которого вы не замечаете. Он живёт здесь, ходит по тем же улицам, здороваются с вами. У него нет судимостей. Скорее всего, ровная биография, тихая работа, никаких жалоб от соседей. — Она посмотрела на него прямо. — Тот, кто сидит у вас под подозрением из-за шрамов или нервного взгляда, почти наверняка не он.

— Бишоп выглядел как убийца, — сказал Джозеф. — И им не был.

— Вот именно. — Крейн закрыла папку. — Господа, у вас есть до апреля. Пользуйтесь. После совещания Майкл догнал её в коридоре.

— Вы говорите так, будто третья жертва уже решена.

— Она не решена, детектив, — сказала Крейн. — Но она запланирована. Просто он пока не знает её имени.

## Глава 8. Тридцать восемь камер

— Тридцать восемь камер, — сказал Джозеф и положил на стол распечатку с аккуратной таблицей. — Установлены в девятнадцатом году на грант штата. Пять лет назад подрядчик обанкротился, обслуживание закончилось. Из тридцати восьми исправны девятнадцать.

— Ровно половина, — сказал Майкл.

— Ровно половина.

Он выложил на карту синие и красные точки. Центр города был покрыт плотно, а вот окраины зияли прорехами. Камера у старого кирпичного завода не работала с двадцать первого года. Камера на заднем дворе кофейни тоже.

— Работает только одна, — Джозеф показал на угол Мэйн-стрит и Четвёртой. — Она смотрит на выход из кофейни и на часть заднего двора. Я запросил запись за двадцать первое января. Хранилась случайно, потому что система перезаписывает всё по кругу, а эту ветку отключили для ремонта.

Он включил монитор.

На экране была ночная улица, мокрая от снега. Дана вышла из двери кофейни в пальто, с сумкой через плечо. Постояла секунду на крыльце, поправила шарф. Затем пошла в сторону заднего двора, где стояла её машина. Камера захватывала только край парковки.

В кадре Дана подошла к машине, достала ключи. И вдруг остановилась.

— Смотри на лицо, — тихо сказал Джозеф.

Дана повернулась на звук. Что-то привлекло её внимание за пределами кадра, слева, там, где камера уже не видела. Она замерла, потом лицо у неё изменилось. Не испуг, не удивление. Она улыбнулась.

Это была лёгкая, чуть смущённая улыбка человека, увидевшего знакомого. Она сказала что-то, шагнула в сторону и вышла из кадра.

Запись продолжалась ещё сорок секунд, пока на парковке не осталась только пустая машина и падающий снег.

Майкл смотрел на экран, не двигаясь.

— Она не боялась, — сказал он.

— Нет.

— Три месяца в городе маньяк, а она улыбается. Значит, это тот, кого она знала.

— Или тот, кто выглядел безопаснее всех на свете.

Майкл перемотал запись и посмотрел ещё раз. Потом ещё. Тихий снег, улыбка, пустая парковка.

\* \* \*

Окружной морг находился в двадцати минутах езды от города, и Уолтер Пирс встретил их у служебного входа, без халата, в тёмном свитере и очках. На столе в его кабинете стоял китайский термос и лежала раскрытая книга обложкой вниз.

— Я как раз собирался вам звонить, — сказал он. — Присаживайтесь. Чаю? Кофе не держу, не пью. Только чай.

— Спасибо, нет, — ответил Майкл.

— Тогда по делу. — Пирс достал две папки и аккуратно положил их рядом. — Я перечитал оба заключения. Вы просили вспомнить всё, даже мелочи.

— Нас интересует нейлон, — сказал Джозеф.

— Я так и думал. Обе пары одной модели, чёрные, двадцать ден, стандартная торговая упаковка. На ткани нет складских волокон, значит, они были куплены недавно. Скорее всего, по одной паре в месяц-два до убийства, чтобы не накапливать улики.

— Фуллер продаёт такие.

— Такие продают в трёх магазинах округа, а ещё их можно заказать в сети. — Пирс чуть улыбнулся одними губами. — Простите, детектив. Я знаю, что вам хочется дать мне имя, но следы нейлона не называют имён.

— Узел? — спросил Майкл.

— Правой рукой, с левым плечом чуть выше. Правша. Но так делает почти каждый второй. — Он помолчал. — Я бы не стал строить версию на этом.

Он говорил спокойно, выверенно, как человек, всю жизнь проживший в тишине. Майкл наблюдал за его руками: пальцы лежали на папках неподвижно, без нервной дрожи, без суеты.

— Вы работаете один? — спросил он вдруг.

— Мой помощник приходит три раза в неделю, остальное делаю сам. — Пирс пожал плечами. — Привык. Мёртвые не требуют разговоров.

— Мы хотели бы, чтобы вы ещё раз проверили вещи жертв, — сказал Джозеф. — Одежду, обувь, мелочи в карманах. Что угодно.

— Уже проверил. И буду проверять снова. — Он взглянул на детективов поверх очков. — Знаете, что самое тяжёлое? Он ничего не оставляет на телах. Совсем ничего. Я работаю с каждой так, будто ищу иголку в стоге сена, а стога нет.

Он взял термос, налил себе чаю в крышку, отпил и осторожно поставил её на стол.

— Можно один вопрос не по протоколу? — сказал он.

— Конечно.

— Вы проверяли тренера? Холлоуэя. Я видел его на прощании с Эмили. Он плакал не так, как плачут просто знакомые. — Пирс снял очки и устало потёр переносицу. — Я не психолог и не следователь. Но когда много лет смотришь на людей рядом со смертью, начинаешь различать оттенки.

Майкл и Джозеф переглянулись.

— Мы его проверяем, — сказал Майкл.

— Я не сомневался. Простите, не моё дело.

Они попрощались. Уже на лестнице Джозеф сказал:

— Хороший мужик. Единственный, кто здесь не боится говорить вслух.

— Он каждый день с ними разговаривает, — ответил Майкл. — Привык.

Он обернулся напоследок. Окно на первом этаже светилось ровным жёлтым светом, и в нём, чуть склонив голову над книгой, сидел человек, который ждал, пока они уедут.

Когда машина тронулась, Джозеф посмотрел на календарь на телефоне.

— Тридцать четыре дня, — сказал он.

— До чего?

— Ты знаешь.

Майкл знал. Он прокручивал в голове лицо Даны на записи: улыбка, слегка склонённая голова, лёгкое смущение. Человек, которому ты веришь, не называет себя врагом.

Он сжал руль.

— Тогда у нас тридцать четыре дня, чтобы его найти.

## Глава 9. Южная ветка

Апрель пришёл в Брайар-Крик с оттепелью. Снег сошёл за три дня и оставил чёрную землю и воду в каждой канаве. Город впервые за зиму пах не дымом, а мокрой корой, люди выходили на улицу осторожно, как после болезни, и некоторые даже улыбались.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.